

А.П. Седых, Ж. Багана

**Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации
коммуникативного поведения языковой личности**

Отличительной чертой гуманитарной науки последних десятилетий является поиск смысловых и языковых доминант этнокультуры и личности. На смену интерпретативному подходу, доминировавшему в лингвистике конца XX в., приходит когнитивно-коммуникативная парадигма знаний. Данный исследовательский подход основывается на признании антропоцентричности и экспансии лингвистического анализа, на рассмотрении языка и речи в динамике их взаимодействия в процессе коммуникации, а также на ведущем принципе когнитивной науки: «Мир не отображается, а интерпретируется <...> человек не просто воспринимает мир, но конструирует его» [15, 7]. Ментальная реконструкция действительности осуществляется на основе языковой обработки сознанием внешних сигналов и оформляется в виде языковой картины мира, выступающей в качестве одной из моделирующих систем этнокультуры.

Рассматривая язык как регулирующий механизм коммуникативного поведения, целесообразно определить лингвистические основы этнокультурного анализа, имеющего целью моделирование языковой личности и национальных типов коммуникации.

По нашему мнению, лингвистические основания выделения идиоэтнических признаков языковой личности должны строиться с учетом следующих позиций.

1. Языковая личность манифестируется в языке и является параметром, характеризующимся постоянной интенсивностью в коммуникативном поведении.

2. Этнокультурный и символический характер языковой личности обуславливает возникновение этнолекта, объединяющего всех носителей национального языка по принципу единства базовых когнитивных и коммуникативных параметров.

3. Исследованию этнокультурного аспекта соответствующих когнитивно-коммуникативных сущностей предшествует их анализ как единиц языка.

4. Для изучения этнокультурных характеристик языка и коммуникации применяются методы, используемые в различных отраслях лингвистики (в когнитивной лингвистике, этнолингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии и т.д.).

Вышесказанное предполагает, что языковая личность рассматривается в контексте соотносительности со знаковой системой. «Личность говорящая» в аспекте ее функционирования в коммуникативном акте представляет собой динамическую проекцию структуры лингвистического знака.

Современная лингвистика не дает исчерпывающего толкования термина «знак». Начиная с Ф. де Соссюра, который выделяет базовые свойства языкового знака (функциональность, произвольность, линейность – см. [15]), и заканчивая учеными постсоссюрианской эпохи [3; 16; 17] теория языка не решает логико-коммуникативных противоречий языка, присутствующих «в целостности языкового восприятия говорящего, внутри культуры как субъекта "автокоммуникации"» [10, 163–165]. «Термин "знак" представляется слишком масштабным и в то же время – не дающим ответа на вопрос: почему одни и те же компоненты языка могут использоваться и в формально-логических, и в культурологических языковых моделях» [13, 28].

Для разрешения вышеприведенных противоречий целесообразно рассматривать традиционную диаду язык–речь, объединив усилия двух дисциплин: теории языка и теории коммуникации. Данная постановка проблемы требует непосредственного включения носителя национальной лингвокультуры

СЕДЫХ Аркадий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета РГФ Белгородского государственного университета.
БАГАНА Жером – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета РГФ Белгородского государственного университета.

(языковой личности) в схему анализа взаимодействия высказывания и дискурса.

Под языковой личностью мы понимаем гипотетическую модель, которая осуществляет актуализацию дихотомии язык–речь, репрезентирующую в обобщенном виде идеального носителя этнокультурных характеристик в динамике реализации национальных параметров коммуникации.

Термин «идеальный» коррелирует с понятием «идеального типа» Макса Вебера, который трактуется как предельное понятие, не имеющее прямого аналога в реальности, но которое может быть использовано для моделирования смысловых и языковых доминант национальной личности [5].

Категории «языковая личность» и «языковой знак» носят обобщающий характер, так как «язык служит не только средством общения между всеми членами лингвистической общности, но является средством выражения индивидуальности, которая не может быть полностью сведена к социальным характеристикам» [7, 87].

Культура рассматривается в качестве этнического субстрата (далее – этнострат) в семантике языкового знака, реализующего свой семиотический потенциал в русле тенденций коммуникативного поведения (поведенческих установок, ориентиров). Под этностратом понимаются актуализируемые в речи языковые параметры, ориентированные на национальный способ членения реальности. Это прежде всего языковое поведение, которое является лингвистическим воплощением национального характера, психологии, менталитета, напрямую связанных с образом жизни того или иного этноса, передаваемых из поколения в поколение. Основой для передачи культурной информации выступает национальный язык.

Язык и культура являются семиотическими системами, где знаковые отношения имеют приоритетное значение. План содержания языкового знака актуализирует в речи национально-специфические черты языковой картины мира, в архитектонике которой важное место принадлежит образной составляющей семантики знака.

Необходимо подчеркнуть, что в семантике языкового знака также важную роль играют ассоциации, которые этноцентричны по определению. Ассоциативные отношения в семантике языковых единиц возникают в процессе включения слов в речь в акте коммуникации. Сущность подобного акта не сводится к объединению слов в знаковую ситуацию, охватывающую отношение знака к предмету и отношение автора к предмету мысли. Актуализированное предложение рассматривается не только как определенная синтаксическая модель, оно рассматривается во всех аспектах (номинатив-

ном, модальном и логико-коммуникативном), так как составляет речевое высказывание.

Динамика актуализации изменяет некоторые существенные аспекты знаковых отношений в языке, которые касаются структуры самих этих отношений, объема знака и отношений наименования. Так, если на уровне языка знаковые отношения представляют собой соотношенность: наименование ↔ сигнификат/денотат, то на уровне речи языковой знак имеет соотношение: наименование / сигнификат ↔ денотат [6, 213].

В процессе реализации контекстуального/ситуативного значения границы знака модифицируются, так как в этом случае осуществляется семиотический акт, т.е. установление соответствия между языковыми формами и отрезком обозначаемой действительности. В связи с этим внутри высказывания слово может претерпевать различные семантические трансформации, изменять свое значение, подвергаться семантической нейтрализации, десемантизации и т.п. Следует отметить, что семиотический акт также этнокультурно обусловлен. Здесь важную роль играют компонентный состав значения высказываний и правила семантического согласования.

При встрече с любым языковым материалом реципиент должен в процессе его восприятия осуществлять интеллектуальную деятельность. Работа интеллекта в большой степени определяется наличием так называемой общей памяти (в нашем случае этнокультурной) и коррелирует с определенным набором языковых и культурных кодов.

Значения слов определяются национальным словарем, однако взятые отдельно слова еще не имеют законченного смысла, т.е. обладают открытой семантической структурой. Мы разделяем точку зрения Н.В. Васильевой о том, что «смысл есть фактическое значение **высказывания (текста)**, обусловленное конкретным контекстом и ситуацией речи и не вытекающее из простой суммы исходных значений составляющих его единиц» [4, 116]. Смысл начинает появляться только в законченном высказывании, которое и является полноценным языковым знаком [6, 214–215].

В основе спонтанного речевого акта часто лежит образная компонента высказывания. Речь идет о таких случаях, как указание на понятие или представление через другое понятие, представление о предметах, явлениях, имеющих общие признаки, или же перенесение типичного признака одних предметов на другие, для которых этот признак нетипичен. В результате, как правило, происходит совмещение представлений, которое формирует добавочную информацию, создает и закрепляет языко-

вой образ в сознании коммуниканта – носителя национального языка.

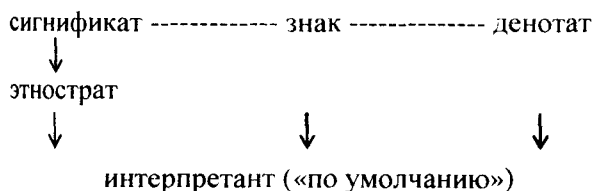
По своей природе языковой образ этноцентричен и его формирование подчиняется следующим когнитивно-коммуникативным законам.

1. Субъективная смысловая избыточность формирует семантический зазор [13, 69], в пространстве которого создаются новые денотативно-сигнификативные конструкции, связанные с изначальной семантикой на уровне типовых представлений, но не определяемые ими.

2. Ряд новых денотатов структурируется в целостное представление, которое воссоединяет в себе несколько ассоциативных цепочек и образуется на их пересечении. Происходит наращивание элементов содержания в единое семиотическое пространство еще не оформившегося образа. Этот период связан с формированием коннотативных смыслов.

3. Исходный референт обозначается повторно новым знаком, означаемое которого связано с первым отношением смежности. Это этап смещения и фиксации образа.

Такого рода трансформации существуют в языковой практике и реализуются в виде тропов и риторических фигур. Вместе с тем эти механизмы суть универсальные механизмы формирования суждения и обозначения, функционирующие как на уровне отдельных слов, так и на уровне сверхфразовых единств. Механизмы универсальны, но семантические конфигурации, формирующие языковой образ, национальны. Полноценный языковой знак (высказывание) в силу закона субъективной смысловой избыточности предоставляет семиотическое пространство для коннотативных смыслов, которые существуют в виде этнокультурных следов. Традиционную модель языкового знака можно расширить и представить в виде следующей схемы:

Этнокультурные следы обладают неявно выраженными параметрами обнаружения, успешность выделения которых опирается на филологическую компетентность исследователя, иначе говоря, на его лингвокультурный багаж. Объем этнострата меняется в зависимости от контекстных условий, языковой компетенции коммуникантов и эмоционального контура ситуации общения.

Центральной фигурой *динамической схемы языкового знака* выступает интерпретант как представитель конкретного лингвокультурного сообще-

ства, который всегда присутствует в структуре высказывания, употребляя терминологию программистов, «по умолчанию». По мнению Е.С. Кубряковой, «знаки, благодаря наличию у них материальных тел (тело знака), *воспринимаются* и *опознаются* (1 этап формирования семантики языкового знака), благодаря наличию у них значения – *интерпретируются* (2 этап)» [9, 35].

Таким образом, мы рассматриваем язык как динамическую семиотическую систему, в рамках которой структура знака образует многомерную субстанцию. Наряду с концептами и коррелирующими с ними денотатами и грамматическими значениями, языковой знак, обогащаясь дополнительными коннотативными значениями, реализует свои прагматические потенции, благодаря исходным валентностным параметрам. С семиотической точки зрения наиболее важным моментом функционирования знаковой системы, как указывалось выше, является режим интерпретации как этап расшифровки сообщения, связанный с контекстуальным форматом высказываний. В свете вышеизложенного динамическая (процессуальная) модель акта семиозиса может иметь следующие составляющие:

- 1) имя (означающее как носитель информации);
- 2) реципиент сообщения;
- 3) означаемое;
- 4) ситуационный контекст (этап смещения значения);
- 5) интерпретация.

Смещенная структура значения лежит в основе этнокультурной системы семантических конфигураций (языковых образов). Как известно, основными составляющими семантико-смысловой структуры высказывания являются предметно-пропозитивная субструктура, дейктическая составляющая и модально-фактивная рамка. Предполагается, что во всех приведенных элементах могут быть выделены этнокультурные следы.

Нами выдвигается гипотеза о том, что логико-семантический и логико-коммуникативный механизмы построения высказывания являются базовыми структурными элементами языкового знака в динамике его реализации и отражают этнокультурные черты коммуникативного поведения национальной языковой личности. Иными словами, предлагается трактовать модус, диктум и пропозицию в качестве базовых категорий для выявления идиотнической составляющей высказывания.

Ясно, что модус, передающий отношение говорящего к содержанию высказывания (коммуникативная функция, условия и цель общения), и «диктум», обозначающий событийную рамку высказывания (номинативная функция, предметные отно-

шения между объектами), этноцентричны по своим коммуникативным параметрам. На первый взгляд кажется, что пропозиция как универсальная логическая структура высказывания не обладает идентичными параметрами коммуникации. Мы же считаем, что пропозиция также является вектором этноцентризма в высказывании. Рассмотрим в этом плане каждое понятие в отдельности и во взаимосвязи.

Итак, пропозиция, составляющая основу пропозитивной семантики, трактуется нами, прежде всего, в контексте смыслообразующей функции, как один из генераторов этнокультурных смыслов. В соответствии с эпистемой исследования пропозиция определяется как семантическая структура речевого знака, объединяющая денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит ведущая роль [13, 75]. Образный элемент пропозиции играет не последнюю роль для выявления параметров этнострата: «...Пропозиция выражает определенное событие или состояние как отношение между логически равноправными предметами <...> содержит в себе **момент образности** и в этом отношении более непосредственно отражает реальность, чем предложение. Подобно картине, она изображает целостный эпизод, не предписывая направления и порядка рассмотрения отдельных деталей» [8, 3–12]. Таким образом, пропозитивная структура – это картинка определенным образом соположенных «предметов мысли» и «предметных ситуаций», отражающих фрагмент реальной или психологической картины мира в виде конфигураций семантических компонентов.

Избираемая носителем определенной лингвокультуры пропозициональная структура, по нашему мнению, имеет конкретные этнокультурные признаки, так как разные языки отражают собственные «индивидуальные» предпочтения в плане логики, семантики и стратегии достижения целей коммуникации. Это выражается в специфике конфигураций семантических компонентов высказывания в национальных языках. Существуют как минимум два типа пропозициональных дихотомий: субъективность – объективность / креативность – дескриптивность, которые различаются наличием ограничений на употребление, в частности, тех или иных типов глагола. Категория глагола интересна тем, что глагол, являясь свернутой пропозицией, имеет своим денотатом ситуацию, способную к развитию. Глагол выступает национально-культурной составляющей динамической картины мира [12, 20].

Так, во французском языке преобладающим пропозициональным элементом высказывания выступает конститутивная составляющая, репрезентируемая глаголом *vouloir* как носителем субъективного формата пропозиции. Данный глагол, по срав-

нению со своим русским эквивалентом ‘хотеть’, имеет приоритетные позиции во французской коммуникативной парадигме [6, 567]. Вторым ключевым элементом французского этнострата выступает категория «креативность», выбор которой влечет за собой ограничения на употребление глаголов состояния (стативных глаголов), ограничения, которых нет в дескриптивных контекстах. Здесь речь идет о предпочтительном формате пропозиции во французском узусе, вводимом глаголом *avoir*, в противовес русскому стативному глаголу ‘быть’. Данные глаголы могут быть рассмотрены как пропозиционально наиболее активные для каждого языка соответственно.

Модальность через соответствующий тип пропозиции представляет одно и то же событие либо как существующее («дескриптивный» тип пропозиции), либо как такое, реализация которого только возможна («креативный» тип пропозиции). Модус как часть высказывания, осуществляющая базовую коммуникативную функцию, связан с модальными значениями составляющих высказывание единиц. В первую очередь, речь идет о модальных словах: *возможно, может быть – il est possible, peut-être* (модусы допущения); *сомнительно, вероятно – il est douteux, il est probable* (модусы полагания); *видно, слышно – on voit, on entend* (перцептивные модусы) и пр. Вместе с тем модальная рамка высказывания не сводится к непосредственному функционированию дескриптивной семантики ментальных предикатов и предикатов чувственного восприятия. Перцептивные глаголы, например, могут развивать эпистемические смыслы и вводить пропозицию. В национальных языках это происходит по-разному и в разной степени. Так, в русском языке, скорее всего, наиболее эпистемичны глаголы *слышать* и *чувствовать* (*слышишь, как пахнет; чувствуете, как звучит*). Для французского языка, по-видимому, эпистемически наиболее активны глаголы зрительного восприятия (*regarde que c'est bon; tu vois je n'ai pas oublié*).

Следует отметить, что в русском языке модальность часто связана с глагольным наклонением и, как правило, вводит оппозицию *реальность/ирреальность* (деонтическая модальность). Во французском языке модальность, скорее, отражает *субъективное отношение* говорящего к событию или действию (алетическая модальность). Об этом может свидетельствовать, например, отсутствие в структуре русских временных категорий специального субъективного наклонения (Subjonctif), вследствие чего отношение коммуникантов к предмету речи в русском языке передается предпочтительно при помощи лексических средств.

Модальности регулируют порождение речевых актов представителями каждого национально-культурного сообщества, т.е. имеют онтологический статус выбора модели языкового поведения. Выбор модальности часто связан с эмотивной стороной коммуникации: «Эмоции имеют под собой когнитивную основу: они базируются на знаниях и предположениях. Когнитивный компонент в них первичен относительно эмотивного» [2, 112].

Модальности связаны с коммуникативной направленностью высказывания и передаются в разных языках разными языковыми средствами. В данном случае имеется в виду модальная структура языковой системы, где национальный диктум, выполняющий номинативную функцию, отражает специфику способов номинации, в которых может быть обнаружен этнокультурный след. Речь идет, в первую очередь, о национальной специфике техники вторичной номинации.

Вторичная номинация в ее окказиональном аспекте практически не может быть смоделирована и зафиксирована в словарных статьях, так как она тесно связана с контекстными условиями и перво-степенная роль здесь принадлежит, прежде всего, коммуниканту (автору сообщения), а не общему узусу. В этом смысле окказиональность вторичной номинации не рассматривается как уникальность узуса, а трактуется с точки зрения единства когнитивных и коммуникативных параметров функционирования языкового материала. Сущностные характеристики диктума могут быть выявлены в процессе анализа способов номинации, отражающих национально-культурные особенности когниции и коммуникации.

При формировании смысла высказывания мысль движется, как пишет Н.Д. Арутюнова, от коммуникативного замысла к номинации события, отображая его в том или ином ракурсе на основе выбранной структуры пропозиции и коммуникативной перспективы высказывания. Смысл предложения формируется в процессе выбора и комбинации пригодных номинативных средств, каждое из которых, внося свой вклад в номинацию события, корректирует свое значение, которое предстает в результате этого как функция смысла предложения [1, 267–270]. Тем самым в языке запрограммированы и возможности отклонения от регулярных правил интеграции, которые имеют специфические этнокультурные конфигурации.

В языке постоянно протекают спонтанные процессы вторичной номинации, и они не столь случайны по выбору мотивирующих признаков и результату. Эта мотивированность проявляется в наличии у вторичных наименований внутренней формы, выступающей в качестве посредника между

новым смыслом и его отнесенностью к действительности. Переосмысляемое значение словесного знака не только приспособляется к выражению нового для него внеязыкового содержания, но и опосредует его в самом процессе отражения.

Необходимо отметить, что мотив выбора языковой формы может далеко отойти от ядра опосредующего значения, что характерно для нетипизированной сферы номинации. Определенный объем сигнификативного содержания переосмысляемой языковой формы выступает как *внутренняя форма нового значения*. Именно внутренняя форма языковой единицы является носителем асимметричных признаков, положенных в основу национальных способов актуализации пропозиции и модуса в диктуме.

Таким образом, этнокультурный след в логико-семантической и синтаксической структуре высказывания может быть выявлен в результате анализа *специфики соотношения* пропозиции, модуса и диктума в национальных языках. Выявление этнострата высказывания предлагается строить по следующим позициям-предпочтениям:

- 1) структура пропозиции (выбор конфигурации, тип пропозиции);
- 2) характер модуса (предпочтительная модальность);
- 3) специфика номинации (характеристики диктума).

Каждая позиция рассматривается по отношению к коммуникативным целям речевого акта, которые универсальны по содержанию и национальны по способам достижения.

Важным элементом структуры высказывания, как указывалось выше, является его дейктическая составляющая. Высказывание как одна из форм проявления национальной языковой личности коррелирует с определенным типом отношения последней к действительности, и дейктик может рассматриваться в качестве носителя этнокультурной информации. В этом смысле данная единица может выступать одним из лингвистических репрезентантов национальной языковой личности.

Как известно, дейктическими являются идентифицирующие единицы языка, референтная соотнесенность которых устанавливается в рамках контекстного функционирования высказывания. Дейктики в логике носят название индексалов. Основной функцией индексалов является функция указания, соотнесения с внеязыковым объектом или ситуацией. Самыми яркими представителями данного типа единиц выступают местоимения и родовые термины.

По мысли Е.В. Падучевой, дейксис составляет ядро эгоцентрических единиц языка, семантика ко-

торых существенным образом ориентирована на говорящего [11]. Личностные характеристики субъекта речи определяются, в частности, благодаря наличию/отсутствию дейктиков или элементов, их замещающих. Субъект речи проявляет свои существенные свойства в процессе коммуникации, реализуя свое собственное «Эго» в динамическом взаимодействии с этнокультурным «Оно». Мы считаем, что дейксис, являясь частью объективной языковой данности, непосредственно соотносится с параметрами национальной языковой личности.

Дейктическая функция как один из способов референции противопоставляется номинации и может рассматриваться с когнитивно-коммуникативной точки зрения в русле выявления этнокультурных параметров языковой личности. Дейксис может быть рассмотрен как один из векторов отношения представителей конкретной лингвокультуры к пространству и времени, закрепленный в национальном языке. На основе выявления внутренней формы и семантических ролей дейктиков в высказывании появляется возможность трактовать дейктическую составляющую как лингвистический репрезентант этнокультурного способа освоения действительности.

Выполняя в высказывании функцию указания, дейктики членят коммуникативное пространство и время речевого акта. В каждом языке можно выявить приоритетные способы корреляции синтаксических и семантических конструктов и их коммуникативный статус, что выражается в допустимости/недопустимости употребления тех или иных конструкций, таких как инструментальная, объектная, наречная и пр. Коммуникативный статус дейктиков может также проявляться, например, в субституционных возможностях языковых единиц, частоте и обязательности/необязательности их употребления, семиотическом потенциале их интерпретации. Через выявление приоритетов узуса можно определить этнокультурные параметры дейктической составляющей высказывания и внести дополнительную перспективу в отражение характерологических черт национальной языковой личности.

Итак, отличительная особенность дейксиса – идентификационная соотношенность с объектом, временем, элементами пространства, иными словами, степень языковой тождественности с элементами внеязыковой реальности.

К дейктическим категориям не относятся: наклонение, модальность, прагматические параметры высказывания (иллокуция, перлокуция и пр.).

Кроме местоимений (указательных и личных) и родовых терминов дейктическую функцию могут выполнять:

а) лицо глагола (1-е, 2-е);

б) наречие;

в) дейктический определенный артикль;

г) глагольное время;

д) значение глагола (*ça fait trois jours que je ne l'ai pas vu* – семантика глагола указывает на временную соотношенность с моментом речи);

е) кванторные слова (*все были счастливы* – не все представители человечества, а выделенная контекстом группа людей);

ж) предлоги, соотносимые с понятием пространства (русский – *в*, французский – *sur*).

Приведенные компоненты высказывания, выполняя дейктическую функцию, выступают в несвойственной им роли идентификаторов референции. Индексиалы имеются во всех языках, но используются по-разному. Так, исследователи отмечают общую тенденцию в использовании дейктиков во французском и русском языках: французский язык чаще обращается к местоименным и родовым терминам там, где русский язык использует собственные имена или видовые термины [6, 561].

Приоритетное употребление того или иного типа дейктиков отражает специфику конструирования действительности в ментальной парадигме носителей национального языка и особенностей коммуникативного поведения языковой личности. Языковая личность опосредуется в языковой деятельности, которая становится возможной на основе конвенциональности семантических структур и в силу наличия в коллективном бессознательном общих этнокультурных архетипов.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Основой для идиоэтнической трактовки коммуникативного поведения личности выступает анализ динамической структуры языкового знака (высказывания), включающей в себя типологические параметры его функционирования и способов интерпретации носителем национального языка.

2. Минимальной и обращенной к коммуникации ментальной репрезентацией языкового знака является пропозиция, получающая статус коммуникативной единицы вследствие вовлеченности ее в пространство мысли (речемыследелительную деятельность).

3. Разграничение пропозиции, модуса и диктума позволяет на уровне модели описать и объяснить существенные свойства языковой личности – ее пластичность.

4. Выбираемая представителем определенной лингвокультуры языковая единица показывает, какая информация наиболее существенна в оказываемом воздействии на адресата с точки зрения этно-

культурных приоритетов когниции и коммуникации.

5. Особенности референтной соотнесенности дейксиса в национальных языках могут служить дополнительным элементом для выявления типологических характеристик языковой личности.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Васильева Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. (Социологич. мысль Запада).
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
7. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. М., 1965. Ч. 2.
8. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вopr. языкознания. 1984. № 4.
9. Кубрякова Е.С. От концептуальной структуры – к семантике языкового знака // От слова к тексту: Мате-

риалы докл. Международ. науч. конф. (Минск, 13–14 ноября 2000 г.): В 3 ч. Минск, 2000. Ч. 1.

10. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
11. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
12. Прохорова С.М., Полетаева О.А. Отражение национально-культурного компонента в динамической картине мира // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы докл. III Международ. науч. конф. под эгидой МАПРЯЛ (Минск, 7–9 апреля 2005 г.) Минск., 2005.
13. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород, 1998.
14. Соловьев А.Н. Путь Востока. Культурная, этническая и религиозная идентичность // Материалы VII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium». Вып. 33. СПб., 2004.
15. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1970.
16. Фрумкина Р.М. Когнитивная лингвистика или «психоллингвистика наоборот» // Язык и речевая деятельность. СПб., 1999.
17. Hjelmslev L. Prolégomènes à une théorie du langage. Paris, 1971.
18. Kristeva J. Le langage, cet inconnu: Une initiation à la linguistique. Paris, 1981.

LINGUISTIC FOUNDATION OF ETHNOCULTURAL INTERPRETATION OF THE COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF NATIONAL LINGUISTIC IDENTITY

A.P. Sedykh, J. Baghana

Summary

The article addresses the issue of the ethnocultural component of the communicative behaviour which reflects the essential parameters of national linguistic identity. The logical-semantic and logical-communicative constituents of the utterance are regarded in respect to the ethnocultural evidence they carry.

Proposition, modus and dictum are considered as phenomena characterized by the inherent ethnocultural parameters. The proposition of the utterance performs a sense-creating function integrating denotative and significative meanings. The significative content of a sign is understood as being basic for creating new meanings.

The authors propose investigating the national-specific character of the correlation of proposition, modus and dictum in relation to the communicative objectives of the speech act. The national linguistic identity manifests itself in a speech act which is only possible on the basis of conventional semantic structures and due to the existence of collective ethnocultural archetypes.

